

Виктор Громов

ПЕДИАТР
ПРИ ДВОРЕ ДРАКОНОВ

СИРОТА, КОТОРУЮ НЕЛЬЗЯ ЛЕЧИТЬ

Виктор Громов

Педиатр при дворе драконов.

Сирота, которую нельзя лечить

<https://litres.ru/74381309>

Аннотация

Я очнулась во дворце драконов в чужом теле и с чужим именем. Меня назначили наставницей маленькой принцессы Лианны — девочки, которую запрещено касаться, о прошлом которой нельзя спрашивать, а страх которой взрослые называют опасностью.

Её держат за хрустальной дверью. Её рисунки пугают придворных. Её настоящее имя стёрто из летописей. А холодный дракон Каэль Ренварт, Первый хранитель трона, следит за каждым моим шагом и предупреждает: одно нарушение — и я исчезну из дворца навсегда.

Но в первую же ночь Лианна шепчет моё настоящее имя. То, которое я не называла никому.

«Алиса. Не верь дракону».

Теперь мне нужно понять, кто здесь враг, кто защитник, почему целый двор боится маленькую сироту — и что случится, если девочка вспомнит, кем была рождена на самом деле.

Потому что иногда трон боится не войны. Иногда он боится ребёнка.

Содержание

Девочка за хрустальной дверью	4
Приказ не касаться	35
Двор, где улыбаются враги	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Девочка за хрустальной дверью

Первым я услышала плач.

Не детский — нет. Детский плач я бы узнала сразу: острый, беспомощный, цепляющий за самое живое внутри. Этот звук был другим. Низким. Глухим. Словно кто-то огромный и древний стонал где-то под землёй, под камнем, под холодными плитами, на которых лежала моя щека.

Я открыла глаза и сразу поняла две вещи.

Первая: я не дома.

Вторая: тело, в котором я лежала, было не моим.

Потолок надо мной уходил так высоко, что в его тёмных сводах терялся свет. По каменным рёбрам арок ползли золотые драконы с раскрытыми пастьями, а между ними висели вытянутые хрустальные светильники. Они не горели огнём — внутри каждого плавал бледный, жемчужный свет, похожий на застывшую луну.

Я дёрнулась, попыталась приподняться и тут же застонала. Голова раскалывалась, пальцы дрожали, а платье, тяжёлое, узкое и совершенно чужое, мешало вдохнуть полной грудью. Под ладонью оказался не привычный линолеум приёмного отделения, не край кровати и не сумка с документами, а гладкий чёрный мрамор, холодный, как лёд.

— Очнулась, — произнёс кто-то над моей головой. — Жаль.

Голос был женский, сухой, с таким оттенком презрения, будто моё возвращение в сознание доставило окружающим одно неудобство.

Я повернула голову.

Рядом стояла высокая женщина в тёмно-сером платье с воротником под самое горло. Ни одной лишней складки. Ни одной выбившейся пряди. Лицо узкое, бледное, губы сжаты в тонкую линию. На груди — серебряный знак в виде драконьей лапы, сжимающей корону.

За её спиной маячили ещё двое: молодой мужчина в лирее и пожилая служанка, которая смотрела на меня не с жалостью, а с суеверным ужасом.

Я попыталась сказать: «Где я?» — но из горла вырвался хрип.

Женщина наклонилась ниже. Её взгляд скользнул по мне, как нож по шёлку.

— Элина Вейр, — отчеканила она. — Советовала бы вам больше не падать в обморок посреди Восточного холла. При дворе драконов слабость считают не болезнью, а дурным воспитанием.

Элина.

Меня назвали Элиной.

Не Алисой.

Сердце ударило так сильно, что на миг я перестала слышать всё вокруг.

Меня звали Алиса Миронова. Мне было двадцать девять.

Я возвращалась домой после длинной смены, держала в одной руке телефон, в другой — пакет с яблоками, купленными по дороге, и думала только о том, что надо бы наконец поспать больше четырёх часов подряд.

Потом был дождь. Скользящая плитка у перехода. Резкий свет фар, отразившийся в мокром асфальте. Крик женщины где-то рядом.

И тьма.

А теперь — мрамор, драконы на потолке, чужие руки, чужое платье, чужое имя.

Я подняла ладонь к лицу. Пальцы были тоньше, чем мои. Запястье уже. На безымянном пальце — бледный след от снятого кольца, которого я никогда не носила. В висках шумело.

— Я... — начала я и осеклась.

Голос тоже оказался не совсем моим. Мягче. Ниже. С непривычной хрипотцой.

Женщина выпрямилась.

— Достаточно. Вам дали время прийти в себя. Ваша слабость уже задержала представление на двенадцать минут.

— Представление? — повторила я.

— Её высочеству.

Я медленно села. Мужчина в ливрее дёрнулся помочь, но женщина остановила его одним взглядом.

Её высочество.

Драконы.

Двор.

Я, вероятно, умерла. Или сошла с ума. Или лежала где-нибудь под капельницей собственной комы, а мозг, уставший от реальности, устроил мне персональный театр с коронами и чудовищами.

Только холод мрамора был слишком настоящим. Боль в колене — тоже. Как и запах воска, пыли, мокрого камня и чужих духов.

— Встаньте, Элина Вейр, — сказала женщина. — Лорд Ренварт не любит ждать.

Это имя почему-то заставило служанку за её спиной побледнеть ещё сильнее.

Я встала не сразу. Тело слушалось плохо, будто принадлежало мне всего несколько минут и ещё не успело признать хозяйку. Юбка потянула вниз, корсет сжал рёбра. Я покачнулась, но удержалась сама.

— Кто вы? — спросила я, стараясь не показать, как сильно дрожит голос.

Женщина медленно вскинула брови.

— Вы забыли моё имя?

Прекрасно. Только этого не хватало.

— После обморока... многое расплывается.

Это прозвучало жалко, но лучше, чем правда: «Я не знаю ни вас, ни себя, ни почему у вас на потолке драконы».

Женщина смерила меня долгим взглядом.

— Мирана Лойс. Старшая распорядительница детского

крыла. Вы были предупреждены обо мне в письме. Надеюсь, хотя бы свои обязанности вы не забыли.

Письмо. Обязанности. Детское крыло.

Я ухватилась за последнее, как утопающая за край лодки.

— Меня привезли к ребёнку?

Служанка тихо охнула. Мужчина опустил глаза. Мирана чуть подалась вперёд, и в её голосе появился металл.

— К её высочеству Лианне.

Лианна.

Имя прозвучало в огромном холле слишком тихо. Но от него почему-то стало холоднее, чем от мрамора под ногами.

Мирана жестом приказала мне идти за ней.

Мы двинулись по коридору, где каждая деталь казалась нарочно созданной, чтобы человек чувствовал себя меньше и незначительнее. Высокие окна были затянуты дымчатым стеклом. По стенам тянулись гобелены: драконы в небе, драконы над башнями, драконы, несущие корону между когтями. В нишах стояли доспехи, но не человеческие — слишком широкие в плечах, с прорезями для крыльев, с вытянутыми шлемами, похожими на звериные морды.

Я шла и считала шаги.

Не потому что это помогало. Просто если считать шаги, можно было не думать о том, что моя жизнь закончилась на мокрой дороге, а началась в теле женщины, которую я не знала.

— Элина Вейр, — произнесла Мирана, не оборачиваясь.

— Двадцать два года. Из рода обедневших провинциальных хранителей. Рекомендована как детская наставница с редким терпением и устойчивостью к магическим всплескам.

Магическим.

Я едва не споткнулась.

— Устойчивостью?

— Надеюсь, ваши рекомендации не были преувеличены.

Я промолчала. Если во мне и была какая-то устойчивость, то сейчас она держалась на чистом упрямстве. Я не понимала, где нахожусь. Не знала, как выбраться. Не знала, жива ли прежняя я. Но рядом был ребёнок, к которому меня вели так, будто ведут не человека, а жертвенного козла.

А с детьми я умела главное: не показывать страх первой.

Мирана остановилась перед двойными дверями из тёмного дерева. На них не было ручек. Только круглая печать с драконом, свернувшимся вокруг короны.

— Запомните правила, — сказала она.

Двери пока не открывались.

Я посмотрела на неё.

— Я слушаю.

— Первое. К её высочеству нельзя подходить ближе трёх шагов.

Я моргнула.

— Что?

— Второе. Нельзя брать её за руку, поправлять волосы, касаться одежды, поднимать с пола её вещи, если она сама

их не протянула.

— Но если ребёнок упадёт?

Мирана посмотрела на меня так, будто я спросила, можно ли поджечь тронный зал ради забавы.

— Вы позовёте стражу.

— Стражу? Если ребёнок упадёт?

— Третье, — продолжила она, не повышая голоса. — Нельзя задавать вопросы о её происхождении, родителях, прошлом, снах, рисунках и словах, сказанных в полусне.

С каждым правилом внутри меня поднималось что-то горячее и тяжёлое.

— А что можно? — спросила я.

— Наблюдать. Разговаривать, если она позволит. Читать ей одобренные книги. Сидеть в отведённом месте. Докладывать обо всех изменениях.

— Кому?

За моей спиной раздался мужской голос:

— Мне.

Я обернулась.

И сразу поняла, почему служанка побледнела от имени Ренварта.

Он стоял в нескольких шагах от нас, словно появился из самого камня. Высокий, темноволосый, в чёрном мундире без украшений, если не считать серебряной цепи на плече и знака драконьей короны у воротника. Лицо красивое, но не мягкое. Та красота, от которой хочется не улыбнуться, а сде-

лать шаг назад. Резкие скулы, прямой нос, холодные серые глаза, в которых не было ни любопытства, ни приветствия.

Только оценка.

Он смотрел на меня так, будто уже взвешивал, сколько неприятностей я принесу.

Мирана склонилась.

— Лорд Ренварт.

Мужчина не ответил ей. Он не сводил глаз с меня.

— Элина Вейр, — произнёс он.

Я заставила себя не отступить.

— Да.

— Вы ниже, чем я ожидал.

Я настолько не ожидала этих слов, что почти рассмеялась. Почти. Смех застрял в горле, потому что взгляд у лорда Ренварта оставался совершенно серьёзным.

— Простите, — сказала я. — Не успела вырасти по дороге.

У Мираны едва заметно дрогнуло лицо. Мужчина в лифее втянул воздух сквозь зубы. А лорд Ренварт чуть прищурился.

Вот теперь я поняла, что, возможно, стоило промолчать.

Но он не рассердился. По крайней мере, внешне.

— Острый язык не входит в ваши обязанности.

— А полное отсутствие чувств — в ваши?

Повисла такая тишина, что я услышала, как где-то за дверями шуршит бумага.

Мирана побелела.

Я тоже побелела. Внутренне. Потому что сказала это не из храбрости, а от потрясения, усталости и того тупого, невозможного страха, который иногда делает человека безрассудным.

Лорд Ренварт подошёл ближе.

Теперь я увидела, что у него на правой щеке, почти у виска, была тонкая серебристая полоска — не шрам в обычном смысле, а будто след от света, застывшего под кожей.

— Вам дали правила? — спросил он.

— Начали.

— Тогда слушайте от меня. Здесь не провинциальный дом и не приют, где можно завоевать доверие мягким голосом. Это дворец драконов. Всё, что происходит в детском крыле, касается трона. Каждое ваше слово, каждый шаг, каждый взгляд будут иметь последствия. Для вас. Для девочки. Для тех, кто окажется рядом.

— Девочки, — повторила я тихо. — Не угрозы.

В его глазах что-то мелькнуло. Быстро, как тень крыла над окном.

— Пока вы не знаете, о чём говорите.

— Тогда объясните.

— Нет.

— Почему?

— Потому что лишние знания делают людей самоуверенными.

— А запреты без объяснений делают людей глупыми.

Мирана закрыла глаза, как человек, который уже мысленно выбирает место для моей казни.

Лорд Ренварт молчал. Его лицо не изменилось, но воздух вокруг стал плотнее. Свет в хрустальных светильниках у стены дрогнул.

Я вдруг подумала: дракон — это не метафора.

Не герб. Не титул. Не древняя фамилия.

Он действительно был драконом. Не знаю как, но каждая клетка нового тела знала это раньше меня. В нём было что-то слишком большое для человеческой оболочки. Сдержанное пламя под льдом. Сила, загнанная в форму мужчины.

— Одна попытка нарушить приказ, — сказал он наконец, — и я отправлю вас в северную крепость до конца зимы. Без права переписки. Без права возвращения ко двору. Без объяснений.

Я сглотнула.

— А если приказ навредит ребёнку?

— Он создан, чтобы она осталась жива.

Слова ударили сильнее угрозы.

Я хотела ответить, но двери перед нами вдруг дрогнули.

Печать с драконом медленно повернулась. Внутри дерева прошёл золотой свет, тонкий, как трещина в скорлупе. Двери раскрылись без единого звука.

За ними оказался не зал — целый мир.

Детское крыло дворца было отделено от остального про-

странства хрустальной стеной. Не обычной перегородкой, а прозрачной, мерцающей преградой от пола до потолка. За ней располагалась большая светлая комната с мягким ковром, низким столом, полками с книгами, деревянными звёздами, расписными кубиками, маленьким белым роялем у окна и ширмой, за которой виднелся край кровати.

Всё было красиво.

И всё казалось неправильным.

Слишком чисто. Слишком тихо. Слишком продуманно.

Комната не была похожа на место, где живёт ребёнок. Она была похожа на витрину, где ребёнка держат вместо драгоценности, которую нельзя продать, нельзя выбросить и нельзя оставить без присмотра.

У окна сидела девочка.

Маленькая. Худенькая. В тёмно-синем платье, которое делало её кожу почти фарфоровой. Волосы — светлые, очень длинные, спутанные на концах, словно она не позволяла никому расчёсывать их как следует. Она сидела на ковре, поджав ноги, и рисовала.

Чёрным.

Только чёрным.

На листе перед ней одна за другой появлялись птицы. Не вороны и не ласточки. Станные острые силуэты с длинными крыльями и человеческими глазами.

Лианна.

Я сделала шаг ближе, но рука лорда Ренварта мгновенно

легла передо мной, не касаясь, но преграждая путь.

— Три шага, — напомнил он.

Я остановилась.

Между нами и ребёнком была хрустальная дверь. На прозрачной поверхности виднелись тонкие линии, будто замёрзшие молнии. Я увидела своё отражение — чужое лицо с большими тёмными глазами, бледными губами и медно-каштановыми волосами, выбившимися из причёски.

Элина Вейр.

Я смотрела на неё и почти не узнавала себя.

Лианна не подняла головы.

— Она нас слышит? — спросила я тихо.

— Когда хочет, — ответила Мирана.

— А сейчас?

— Сейчас она делает вид, что нет.

Я перевела взгляд на лорда Ренварта.

— Можно войти?

— Можно.

— А хрусталь?

— Не для защиты от вас.

Я снова посмотрела на девочку. На её слишком тонкие запястья. На плечи, напряжённые так, будто она всё время ждала удара, хотя никто вокруг не двигался. На маленькие пальцы, сжимающие чёрный угольный карандаш.

— А от кого?

Лорд Ренварт не ответил.

Мирана подошла к боковой панели и коснулась серебряного знака. Часть хрустальной стены растворилась, открывая проход.

В комнате пахло тёплым деревом, свежим бельём и яблоками. На столе стояла тарелка с нарезанными ломтиками, но девочка к ним не притронулась. У окна лежали три смятых листа. На всех — чёрные птицы.

Я остановилась там, где мне разрешили. Примерно в трёх шагах от ребёнка.

— Здравствуй, Лианна, — сказала я.

Девочка рисовала.

— Меня зовут...

Я осеклась.

Алиса.

Меня звали Алиса.

Но здесь меня считали Элиной. И если я сейчас назову настоящее имя, которое никто не должен знать, то что будет? Меня объявят сумасшедшей? Самозванкой? Опасной? Запрут рядом с этим ребёнком — только в комнате похуже?

— Элина, — закончила я тише.

Карандаш в руке девочки замер.

Всего на мгновение.

Потом снова заскользил по бумаге.

Мирана удовлетворённо поджала губы.

— Её высочество редко отвечает в первый день.

— Я не требую ответа.

— Вы не должны ничего требовать.

— Прекрасно. Тогда мы сойдёмся.

Лианна вдруг нарисовала птице слишком длинную шею.

Карандаш хрустнул в её пальцах и сломался.

Я машинально шагнула вперёд.

— Осторожно...

— Стойте, — голос Ренварта стал резким.

Я замерла.

До девочки оставалось меньше трёх шагов. Совсем немного. Полшага, может быть. Но вокруг сразу что-то изменилось. Хрустальная стена позади нас потемнела по краям. Воздух стал вязким, а по полу, от маленькой руки Лианны, расплзлась тонкая золотая трещинка света.

Девочка подняла голову.

Я видела в жизни много детских глаз. Испуганных, злых, упрямых, усталых, пустых от пережитого. Но таких не видела никогда.

У Лианны были глаза цвета расплавленного янтаря.

Не золотистые. Не карие.

Именно янтарные, светящиеся изнутри. В них было слишком много страха для ребёнка и слишком много памяти для того, кто должен был прожить всего несколько лет.

Она смотрела на меня, не мигая.

Я медленно отступила на прежнее место.

Трещинка света исчезла. Хрусталь посветлел.

— Видите? — сухо сказала Мирана. — Правила суще-

ствуют не для вашего удобства.

Я не ответила. Я смотрела на Лианну.

У неё в ладони остался обломок карандаша. Очень острый. Она сжимала его так крепко, что костяшки побелели.

— У тебя есть другой? — спросила я тихо.

Девочка молчала.

Я оглядела стол и увидела коробку с цветными карандашами. Она стояла далеко от Лианны, но близко ко мне. Я не стала брать её сразу.

— Можно я поставлю коробку ближе? — спросила я.

Мирана шумно вдохнула.

— Её высочество не любит...

— Я спрашиваю Лианну, — перебила я и сама удивилась своей резкости.

Девочка смотрела на меня.

Я не двигалась.

— Я не подойду к тебе, — сказала я. — Просто поставлю коробку на край ковра. Ты сама решишь, брать или нет.

В комнате стало очень тихо.

Лорд Ренварт стоял у входа. Я чувствовала его взгляд спиной. Мирана, кажется, готова была вмешаться в любую секунду.

Лианна медленно опустила глаза на коробку.

Потом снова на меня.

И едва заметно кивнула.

Я не улыбнулась. Иногда взрослые слишком быстро улы-

баются детям, решив, что получили победу. Дети это чувствуют и снова закрываются. Поэтому я просто взяла коробку, прошла ровно настолько, насколько позволяли правила, и поставила её на край ковра.

До Лианны оставалось расстояние, которое взрослому ничего не стоило преодолеть. А ребёнку, живущему за хрусталём, оно могло казаться пропастью.

Она не потянулась к коробке.

— Там есть синий, — сказала я. — И зелёный. И, кажется, белый.

Она продолжала смотреть на чёрный обломок в своей руке.

— Чёрный тоже можно. Просто иногда птицам нужен не только страх. Иногда им нужно небо.

Я не знаю, почему сказала именно это.

Может, потому что сама в тот момент ощущала себя птицей, которую кто-то вырвал из прежней жизни и запер в чужом небе без объяснений.

Лианна очень медленно разжала пальцы. Обломок упал на лист. Она потянулась к коробке, но не взяла её. Только коснулась крышки ногтем.

— Достаточно, — сказал лорд Ренварт.

Я обернулась.

— Что достаточно?

— На сегодня.

— Я только вошла.

— И уже дважды едва не нарушили приказ.

— Потому что приказ составлен так, будто ребёнок — взрывной механизм.

Мирана ахнула.

Лианна снова замерла.

Я поняла ошибку сразу. Не потому, что сказала неправду. А потому, что ребёнок слышал. Дети слышат даже то, что взрослые произносят не для них. Особенно дети, которых слишком долго обсуждали как опасность.

Я повернулась к Лианне.

— Прости, — сказала я. — Я не о тебе. Я о взрослых, которые плохо умеют объяснять.

Её глаза не изменились, но маленькие пальцы перестали цепляться за крышку коробки.

Лорд Ренварт подошёл ближе. Он остановился ровно рядом со мной, не нарушая расстояния до девочки.

— Выйдите, госпожа Вейр.

— Я могу попрощаться?

Он посмотрел на меня так, будто я попросила ключ от королевской сокровищницы.

— Быстро.

Я снова повернулась к ребёнку.

— Я приду завтра, если ты не будешь против.

Лианна молчала.

— А если будешь против, я всё равно буду рядом где-то за дверью. Только не стану мешать.

Её взгляд скользнул к Ренварту, потом к Миране, потом опять ко мне.

Я не стала ждать ответа. Отступила первой и вышла из комнаты.

Когда хрустальная стена сомкнулась за моей спиной, мне показалось, что я снова оказалась по другую сторону жизни.

Там — девочка, хрусталь, чёрные птицы.

Здесь — правила, люди с каменными лицами и дракон, который смотрит так, будто давно разучился верить кому-либо.

Лорд Ренварт проводил меня в соседний кабинет. Мирана вошла следом, но он остановил её жестом.

— Оставьте нас.

— Милорд, наставница уже проявила...

— Я сказал: оставьте.

Мирана поджала губы и вышла. Дверь закрылась мягко, но почему-то мне показалось, что за ней всё равно слушают.

Кабинет был просторным и почти пустым. Стол. Карта на стене. Несколько кресел. Узкое окно с видом на внутренний двор, где внизу ходили стражники в тёмной броне. На подоконнике лежала детская деревянная лошадка без одного колеса.

Эта деталь ударила сильнее всех гербов и угроз.

— Вы не похожи на женщину из своих рекомендаций, — сказал Ренварт.

Я отвернулась от игрушки.

— Возможно, рекомендации были плохими.

— Нет. Они были подробными. Слишком подробными, чтобы ошибиться.

Сердце снова забилося чаще.

— И какой же я должна быть?

— Тихой. Исполнительной. Благодарной за место. Склонной избегать споров.

— Разочаровала?

— Заинтересовали.

Я не знала, что хуже.

Он подошёл к столу, взял тонкую папку и раскрыл её. Внутри лежали листы с аккуратным почерком и маленький овальный портрет. Он повернул его ко мне.

С портрета смотрела та самая Элина Вейр — моё новое лицо. Только на портрете она была ниже взглядом, мягче, покорнее. Губы сложены в едва заметную улыбку, плечи опущены, глаза без искры.

Я смотрела на неё и чувствовала странную смесь жалости и ужаса.

Куда делась настоящая Элина?

И почему я оказалась вместо неё?

— Вам плохо? — спросил Ренварт.

Почти заботливо. Почти.

— Просто портрет неудачный.

— Ложь.

Я подняла на него глаза.

— Вы всегда так уверенно обвиняете людей?

— Я всегда слышу ложь.

По спине пробежал холод.

— Всегда?

— Почти.

— Удобное качество.

— Обременительное.

Мы смотрели друг на друга через стол. Между нами лежал портрет женщины, чью жизнь мне, судя по всему, предстояло прожить.

— Тогда зачем я здесь? — спросила я. — Если вы уже считаете меня подозрительной.

— Потому что девочка отреагировала.

— На коробку с карандашами?

— На вас.

Впервые в его голосе появилась не холодность, а что-то другое. Нежелание признать надежду.

— Она кивнула, — сказал он. — Лианна не отвечала новому человеку почти год.

Я вспомнила хрупкий наклон её головы. Этот едва заметный кивок. Для меня он был маленьким. Для них, видимо, невозможным.

— Почему она за хрустальной дверью? — спросила я.

— Я уже сказал: лишние знания опасны.

— Для кого? Для меня или для тех, кто скрывает правду?

Его лицо стало неподвижным.

— Вы слишком быстро делаете выводы.

— А вы слишком старательно уходите от ответов.

Он закрыл папку.

— Ваша задача — находиться рядом, не приближаясь. Говорить, не вынуждая к ответу. Наблюдать, не вмешиваясь. Если Лианна проявит тревогу, вы отойдёте. Если начнётся всплеск силы, вы выйдете. Если она заговорит — запомните каждое слово и передадите мне.

— А если она попросит не передавать?

— Передадите.

— Значит, вы хотите, чтобы я стала для неё ещё одним взрослым, которому нельзя доверять.

Ренварт медленно обошёл стол.

Я заставила себя не отступить, хотя тело требовало именно этого. Он остановился совсем близко, но не настолько, чтобы это выглядело нарушением приличий. Его глаза казались серыми только издали. Вблизи в них были тёмные искры, как пепел после пожара.

— Доверие не стоит жизни, госпожа Вейр.

— А жизнь без доверия стоит чего?

Он ничего не ответил.

И я вдруг поняла: попала.

Не в смысле мира, дворца, чужого тела. Это всё было слишком большим, чтобы осознать сразу.

Я попала в историю, где взрослые так долго спасали ребёнка от опасности, что сами стали частью клетки.

И, кажется, никто здесь этого не замечал.

— Вам выделяют покои в восточной галерее, — сказал Ренварт, отступая. — Ужин принесут туда. Завтра вы начнёте по расписанию.

— Расписанию?

— Мирана передаст.

— А вы?

— Я буду наблюдать.

— За мной или за ней?

— За всеми.

Конечно.

Я устало провела рукой по лбу. Волосы зацепились за заколку, и я поморщилась. Всё в этом теле было непривычным. Даже боль от слишком тугой причёски.

— Лорд Ренварт.

Он уже направлялся к двери, но остановился.

— Что?

Я хотела спросить о себе. Об Элине. О том, есть ли у неё семья. О том, почему её привезли именно сегодня. О том, можно ли отсюда сбежать, если я решу, что двор драконов — не моя проблема.

Но перед глазами встала Лианна. Маленькая девочка, рисующая чёрных птиц в комнате, похожей на красивую клетку.

И я спросила другое:

— Почему она вздрагивает, когда видит знак короны?

Ренварт обернулся слишком быстро.

Вот теперь я попала в цель.

— Где вы это заметили?

— На стене. Когда свет прошёл по печати у двери. Она сжала карандаш сильнее. И до этого на рисунках — птицы летят от короны, не к ней.

Он молчал.

— Вы сказали, я должна наблюдать. Я наблюдаю.

В его взгляде впервые появилось не недоверие. Внимание.

— Никому об этом не говорите.

— Значит, я права?

— Я сказал: никому.

— Вы просите или приказываете?

— Предупреждаю.

Он вышел, оставив меня в кабинете одну.

Через минуту вошла служанка — та самая пожилая женщина, что была в холле. Она держала руки сцепленными перед собой и старалась не смотреть мне прямо в лицо.

— Госпожа Вейр, — тихо сказала она. — Я провожу вас.

— Как вас зовут?

Она вздрогнула, будто вопрос был неприличным.

— Нара, госпожа.

— Нара, я не кусаюсь.

Она посмотрела на меня с таким сомнением, что я едва не улыбнулась.

— Здесь не все кусаются зубами, госпожа.

Фраза прозвучала тихо, но в ней было больше правды, чем

во всех речах Мираны.

Мы вышли в коридор. Дворец жил странной жизнью: вдалеке звучали шаги, где-то закрывались двери, скользили по полу тени слуг, но стоило нам приблизиться, как разговоры обрывались. На меня смотрели. Не откровенно, нет. При дворе, видимо, даже любопытство умели прятать за поклонами. Но я чувствовала эти взгляды спиной.

Новая наставница.

Провинциалка.

Та, которую привели к опасной сироте.

Та, которая уже спорила с Первым хранителем трона.

Отличное начало, Алиса. Просто великолепное.

Покои оказались в конце длинной галереи, где окна выходили на сад. Комната была просторной, с кроватью под голубым пологом, письменным столом, зеркалом в серебряной раме и камином, в котором горело ровное золотистое пламя. На кресле уже лежали два платья. На столе — стопка бумаг.

— Расписание, — сказала Нара. — Правила крыла. Список дозволенных сказок. Список запрещённых вопросов. Список лиц, которым вы обязаны докладывать.

Я посмотрела на толщину стопки.

— У вас тут на ребёнка больше правил, чем на управление государством.

Нара опустила глаза.

— Государство, госпожа, иногда проще ребёнка.

Я подошла к окну. Внизу сад тонул в сумерках. Деревья

были подстрижены в форме крыльев, дорожки выложены белым камнем, в центре стоял фонтан с фигурой маленького дракона. Вода в нём не падала вниз, а поднималась вверх тонкими струями, исчезая в воздухе.

Красиво.

И совершенно невозможно.

— Нара, — сказала я, не оборачиваясь. — Что случилось с предыдущими наставницами?

Она долго молчала.

— Им не подошло место.

— Всем семерым?

На этот раз молчание стало ответом.

Я обернулась.

— Они живы?

Нара побледнела.

— Госпожа, не задавайте таких вопросов в стенах.

— А где можно?

— Нигде, если хотите прожить спокойно.

Прожить спокойно.

В чужом теле. В драконьем дворце. Рядом с ребёнком, которого нельзя касаться и о котором нельзя спрашивать.

Я почти рассмеялась, но смех вышел бы слишком нервным.

Нара помогла мне снять верхний слой платья и расстегнуть часть заколок. Я села перед зеркалом и впервые увидела Элину Вейр как следует.

Она была красива. Не ярко, не властно, а той незаметной красотой, которую легко недооценить: тёмные глаза, прямые брови, мягкий овал лица, упрямый подбородок. Только сейчас в её лице жила не она. Я видела в отражении свой страх. Свою злость. Свою попытку не развалиться на куски.

— У вас дрожат руки, — сказала Нара.

Я сложила их на коленях.

— Переволновалась.

— Сегодня тяжёлый день.

— Для кого?

Она не ответила.

Перед уходом Нара остановилась у двери.

— Госпожа Вейр.

— Да?

— Не жалейте её вслух.

Я подняла глаза.

— Лианну?

— У стен здесь слух лучше, чем у людей. А жалость ко двору не относится к дозволенным чувствам.

Дверь за ней закрылась.

Я осталась одна.

И только тогда позволила себе выдохнуть.

Первый выдох превратился в дрожь. Второй — почти в всхлип. Я зажала рот ладонью, чтобы не издать ни звука. Не потому что боялась выглядеть слабой перед собой. Потому что Нара была права: в этом дворце даже стены могли слу-

шать.

Я подошла к столу и начала листать бумаги, пытаясь найти хоть что-то полезное.

«Её высочество Лианна принимает завтрак в семь часов».

Принимает. Как взрослая монаршая особа, а не ребёнок.

«Время молчаливого занятия — с восьми до девяти».

«Время прогулки за хрустальной галереей — по решению хранителя».

«Физическое приближение запрещено».

«Вопросы о снах запрещены».

«Вопросы о родителях запрещены».

«Вопросы о драконе с чёрным крылом запрещены».

Я остановилась.

Дракон с чёрным крылом.

На рисунках Лианны были птицы. Или не птицы?

Может, маленький ребёнок рисовал не птиц, а крылья, которые видел во сне?

Я перелистнула страницу.

В списке дозволенных сказок было всего девять названий. Все — о послушных принцессах, мудрых хранителях и наказанных любопытных девочках.

— Ну конечно, — прошептала я.

Внизу, почти у самого края, другим почерком кто-то добавил: «Не читать сказку о девочке, которая открыла северное окно».

Чернила были старые. Полустёртые.

Я провела пальцем по строке и вдруг почувствовала укол тревоги — не физический, а тот самый внутренний, когда пазл ещё не сложился, но ты уже видишь, что в коробку подсыпали чужие детали.

Северное окно.

Северная крепость.

Чёрное крыло.

Корона, от которой вздрагивает ребёнок.

Я слишком мало знала. Почти ничего. Но одно было ясно: Лианна не просто сирота при дворе. Вокруг неё построили систему молчания, а систему молчания не создают вокруг пустяков.

За дверью тихо скрипнули половицы.

Я замерла.

— Нара? — позвала я.

Ответа не было.

Скрип повторился. Дальше по коридору. Едва слышно.

Я подошла к двери и приложила ухо.

Сначала — тишина.

Потом тонкий звук.

Не плач. Не голос. Скорее... царапанье.

Будто кто-то водил ногтем по стеклу.

Я открыла дверь.

Коридор был пуст. Светильники горели ровно. Далеко, у поворота галереи, стояла тень от статуи, похожая на согнувшегося человека.

Я уже собиралась закрыть дверь, когда увидела на полу лист бумаги.

Он лежал прямо у порога.

Я подняла его.

Чёрная птица.

Только теперь она была нарисована иначе: крылья распахнуты, клюв открыт, а в груди — маленькая корона, перечёркнутая двумя линиями.

На обороте неровным детским почерком было написано одно слово.

«Не верь».

Не верь кому?

Миране? Ренварту? Наре? Всем?

Я вышла в коридор, но там никого не было. Только в самом конце галереи мелькнуло что-то светлое — край детского платья или просто отблеск светильника.

— Лианна? — прошептала я.

Тишина.

Я знала, что должна вернуться в комнату. Запереть дверь. Дождаться утра. Сделать вид, что ничего не произошло. Именно так поступил бы разумный человек в чужом мире, где за нарушение правил обещали северную крепость.

Но разумный человек, вероятно, не стал бы спорить с драконом в первый же час после пробуждения.

Я пошла по коридору.

Медленно. Беззвучно, насколько позволяли мягкие

туфли. Лист с рисунком я сжимала в руке. Каждый поворот галереи казался длиннее предыдущего. Сад за окнами потемнел, и в стекле отражалась я — чужая, бледная, упрямая женщина в ночной тишине дворца.

Детское крыло встретило меня мёртвым покоем.

Двери были закрыты. Печать дракона на них не светилась. По обе стороны стояли стражники, но оба почему-то смотрели прямо перед собой неподвижно, словно не замечали моего появления.

— Госпожа Вейр, — сказал один из них, не поворачивая головы. — Вход после вечернего часа запрещён.

— Я не вхожу.

— Отойдите от двери.

Я отступила на шаг.

И услышала.

За хрустальной стеной, за тёмным деревом, за всеми запретами этого проклятого дворца кто-то тихо напевал.

Без слов.

Детский голос был едва различим, но от него у меня сжалось сердце. В этом напеве не было игры. Он был похож на способ не заплакать.

— Лианна не спит? — спросила я.

Стражник молчал.

— Вы слышите?

— Отойдите, госпожа.

Я сделала ещё один шаг назад.

В этот момент печать на двери вспыхнула. Не ярко — на долю мгновения. Но достаточно, чтобы на дереве проступили тонкие линии, похожие на следы когтей.

И детский голос за дверью оборвался.

Я стояла в коридоре с рисунком в руке, понимая, что сейчас должна уйти. Должна. Потому что лорд Ренварт ясно сказал: один неверный шаг — и северная крепость.

Но потом за дверью раздался шёпот.

Такой тихий, что я скорее почувствовала его, чем услышала.

— Алиса.

Мир остановился.

Я не дышала.

Стражники не шелохнулись. Пламя в светильниках вытянулось вверх тонкими золотыми нитями. Хрусталь где-то за дверью запел еле слышно, как бокал, по краю которого провели влажным пальцем.

Лианна произнесла не «мама».

Не «помогите».

Не имя Элины Вейр, которое знали все в этом дворце.

Она произнесла моё настоящее имя.

То, которое я не сказала никому.

— Алиса, — повторила девочка за хрустальной дверью.

— Не верь дракону.

Приказ не касаться

— Алиса, — повторила девочка за хрустальной дверью.

— Не верь дракону.

Сердце у меня не просто ударило — оно будто споткнулось о собственный страх.

Я стояла в пустом коридоре детского крыла, босоногая внутри чужой жизни, в платье чужой женщины, с зажатым в пальцах листом, на котором чёрная птица несла в груди переречёркнутую корону. За дверью молчала девочка, которая не должна была знать моего имени. Перед дверью стояли двое стражников, которые не должны были ничего слышать. А где-то в этом дворце находился дракон, которому, если верить Лианне, верить было нельзя.

Стражник слева наконец повернул голову. Не резко. Медленно, словно вспоминал, как это делается. Его лицо было бледным, глаза — пустоватыми, и от этого по спине у меня пробежал холод.

— Госпожа Вейр, — произнёс он тем же ровным голосом.

— Вам приказано вернуться в покои.

Он сказал «Вейр». Не Алиса.

Значит, либо они действительно не слышали, либо делали вид. Второй вариант мне нравился ещё меньше.

— Она меня звала, — сказала я тихо.

— Её высочество спит.

— Я слышала её голос.

Стражник справа моргнул. Один раз. Очень медленно.

— Её высочество спит, — повторил он.

Не ответ. Не возражение. Стена.

Я сделала шаг к двери, и оба стражника одновременно опустили руки на рукояти мечей. Движение было настолько слаженным, что я замерла не от их оружия, а от понимания: они ждали именно этого. Ждали, что я нарушу. Ждали, чтобы потом сказать кому нужно: новая наставница не выдержала и в первую же ночь попыталась пройти к девочке.

Я не была храброй. Не настолько. Я была уставшей, испуганной и всё ещё не до конца верила, что это не сон, но прежняя жизнь научила меня одной простой вещи: когда рядом ребёнок и слишком много взрослых с одинаково правильными лицами, нельзя действовать так, как они ждут.

Я отступила.

— Передайте лорду Ренварту, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал, — что в детском крыле ночью слышен плач.

Один из стражников скользнул взглядом к двери. Быстро. Почти незаметно.

Значит, слышал.

— Передайте сами утром, — ответил он.

— Если утром он спросит, почему ему не доложили сразу, я назову ваши имена.

Они переглянулись.

На этом двор держался крепче, чем на камне: все боялись не правды, а того, кому она будет сказана.

Стражник справа чуть заметно склонил голову.

— Будет исполнено.

Я развернулась и пошла обратно, хотя каждый шаг давался с трудом. Хотелось остаться у двери. Хотелось стучать в неё, кричать, требовать, чтобы меня впустили. Хотелось увидеть Лианну и спросить, откуда она знает моё имя. Хотелось — и это было самым страшным — поверить ей сразу.

Не верь дракону.

Но если не верить Каэлю Ренварту, то кому верить? Миране, которая смотрела на ребёнка как на обязанность с опасными краями? Наре, которая знала больше, чем говорила, но боялась даже стен? Стражникам, которые повторяли одно и то же, пока за дверью ребёнок шептал чужую правду?

Я дошла до своих покоев, закрыла дверь и лишь тогда поняла, что всё ещё держу рисунок. Бумага смялась в ладони. Я разжала пальцы и разгладила лист на столе.

Чёрная птица. Корона в груди. Две перечёркивающие линии. «Не верь».

Я положила рядом список правил и долго смотрела то на одно, то на другое.

Вопросы о снах запрещены.

Вопросы о родителях запрещены.

Вопросы о драконе с чёрным крылом запрещены.

Физическое приближение запрещено.

Меня привезли к ребёнку, но запретили делать всё, что помогает ребёнку почувствовать себя не вещью под охраной, а живым человеком. Ни приблизиться. Ни обнять. Ни поднять упавшую игрушку. Ни спросить, что приснилось, если она проснулась в страхе. Ни даже назвать страх страхом.

Всё это было не заботой. Это было клеткой, составленной из правил.

Утром я не спала. Просто дождалась, когда за окнами посветлеет сад, когда пламя в камине побледнеет, а где-то далеко по дворцу пройдёт первый гул шагов. Нара пришла ровно в шесть, неслышно открыв дверь ключом.

Она увидела меня за столом, увидела рисунок, листы правил, нетронутый ужин и застыла.

— Госпожа...

— Доброе утро, Нара.

— Вы не ложились?

— Не получилось.

Она закрыла дверь и осторожно подошла ближе. На рисунок старалась не смотреть, но взгляд всё равно сорвался.

— Откуда это?

— Нашла у порога.

Нара побледнела так, что серое утреннее освещение сделало её лицо почти прозрачным.

— Сожгите.

— Нет.

— Госпожа Вейр, такие вещи не хранят.

— Именно поэтому я и буду хранить.

Она стиснула руки на переднике.

— Вы не понимаете, куда попали.

— Понимаю меньше, чем хотела бы. Но уже достаточно, чтобы не выбрасывать единственное, что ребёнок решил мне передать.

Нара посмотрела на дверь, потом на стены, потом снова на меня.

— Её высочество ничего не передаёт. Никогда.

— Теперь передала.

— Тогда тем более сожгите.

Я устало провела ладонью по лицу. В зеркале у стены отражалась Элина Вейр с тёмными кругами под глазами и выражением женщины, которая за ночь постарела на несколько лет. Я почти не чувствовала себя этой Элиной, но тело отозвалось на бессонницу честно: тяжестью в висках, ломотой в спине, дрожью в пальцах.

— Нара, сколько наставниц было до меня?

Она вздрогнула.

— Кто вам сказал?

— Вы не удивились вопросу. Значит, я не ошиблась. Семь?

Нара опустила взгляд.

— Не спрашивайте.

— Семь?

— Да.

Слово прозвучало так тихо, что растворилось бы в шуме камина, если бы я не ждала его.

— Что с ними случилось?

— Первые две уехали сами.

— Сами?

Нара горько усмехнулась краешком губ.

— При дворе многое делают «сами», когда нужные люди уже решили за тебя.

Я не перебивала. Иногда, чтобы человек продолжил, надо было дать ему тишину.

— Третья подписала молчание, — сказала Нара. — Теперь живёт в южной усадьбе и ни с кем из дворца не переписывается. Четвёртая заболела страхом.

Она осеклась, будто сказала лишнее.

— Страхом? — переспросила я.

— Она начала просить убрать из комнаты все зеркала. Говорила, что в них темнеет лицо, когда кто-то говорит неправду. Потом её забрали родственники.

У меня похолодели ладони.

Зеркала.

— А остальные?

Нара долго поправляла складку на кресле, хотя та и так лежала ровно.

— Пятая решила, что сможет спасти её высочество, если увезёт из дворца. Их нашли у северных ворот. Девочку вернули. Наставницу больше не видели при дворе.

— Она жива?

— Я не знаю.

— Нара.

— Я правда не знаю, госпожа.

В её голосе было столько усталой правды, что я поверила.

— Шестая?

— Перестала говорить после трёх дней в детском крыле. Седьмая продержалась дольше всех. Почти месяц. Она была очень добрая. Слишком добрая для этого места.

— Что с ней?

Нара посмотрела мне прямо в глаза.

— Однажды ночью она подошла ближе трёх шагов.

Я почувствовала, как в комнате стало теснее.

— И?

— Лорд Ренварт сам вынес её из детского крыла. Она была жива. Но утром её имя уже исчезло из всех списков дворца.

Я медленно села, потому что ноги вдруг стали ватными.

— А Лианна?

— На следующий день разбила все окна в хрустальной комнате, даже не встав с ковра.

Мне вспомнилась золотая трещинка света, расползшаяся от её руки, когда я на полшага нарушила расстояние. Маленькая девочка с янтарными глазами. Хрупкая, молчали-

вая, до ужаса одинокая. И сила вокруг неё, которую никто не объяснял даже ей самой.

— Она не опасна, — сказала я больше себе, чем Наре. — Она напугана.

Нара закрыла глаза.

— Здесь это часто одно и то же.

В дверь постучали.

Не мягко, как служанки. Чётко, властно, два удара.

Нара вздрогнула и сразу отступила от стола. Я успела перевернуть рисунок чистой стороной вверх и накрыть его списком правил.

— Войдите.

Дверь открылась, и на пороге появился Каэль Ренварт.

Утром он выглядел ещё собраннее, чем накануне. Чёрный мундир, серебряная цепь, тёмные волосы убраны назад, лицо спокойное до невозможности. Только глаза выдали, что он тоже не спал. Не усталостью — она у драконов, наверное, проявлялась иначе. Его взгляд был острее, тише, опаснее.

— Госпожа Вейр, — сказал он. — Нара.

Служанка поклонилась так низко, будто хотела стать частью пола.

— Милорд.

— Оставьте нас.

Я ожидала, что она уйдёт сразу, но Нара на миг задержалась. Всего на миг. Посмотрела на меня — с предупреждением, жалостью или просьбой, я не поняла, — и только по-

том вышла.

Дверь закрылась.

Каэль перевёл взгляд на стол.

— Вы ходили ночью к детскому крылу.

Вот и всё. Стражники всё-таки доложили. Или стены.

— Да.

— Вы не стали отрицать.

— Вы ведь всё равно слышите ложь.

— Не всегда.

— Значит, вам просто повезло.

Он подошёл к столу. Я встала, потому что сидеть перед ним почему-то казалось проигрышем, а я уже слишком устала проигрывать до начала партии.

— Вам был дан приказ оставаться в покоях.

— Мне не был дан такой приказ.

Его брови едва заметно дрогнули.

— Вам выделили покои для отдыха.

— Это не приказ.

— Вы играете словами.

— Нет. Я учусь выживать среди людей, которые прячут угрозы в вежливых формулировках.

Он молча смотрел на меня несколько секунд. Потом сказал:

— Что вы слышали?

У меня было мгновение, чтобы решить.

Сказать правду? «Она назвала меня Алисой». И что даль-

ше? Он спросит, почему это имеет значение. Я солгу, а он услышит ложь. Не солгу — признаюсь, что я не Элина Вейр. А потом? Северная крепость покажется милостью.

— Напев, — ответила я. Это было правдой. Неполной, но правдой. — Потом голос.

— Какие слова?

Вот тут стены комнаты будто наклонились ко мне.

Я опустила взгляд на список правил, под которым лежал рисунок. Если я скажу «Не верь дракону», он услышит в этом не просто детскую фразу. Он начнёт копать. Если не скажу, нарушу первый хрупкий мостик, который протянула мне Лианна.

— Она была напугана, — сказала я.

— Это не ответ.

— Зато важнее ответа.

— Слова, госпожа Вейр.

Его голос стал ниже. В нём не было крика, но от этого давление ощущалось сильнее.

Я подняла глаза.

— Она сказала, что не спит.

Ложь.

Я поняла это по нему раньше, чем по себе.

Каэль замер. Не изменился в лице, не шагнул, не повысил голос. Но зеркало в серебряной раме за его плечом потемнело.

Сначала по краям. Потом глубже, будто кто-то налил в от-

ражение чернил. Моё лицо в нём стало расплывчатым, а его силуэт — почти чёрным.

Я смотрела на зеркало и чувствовала, как кровь отступает от щёк.

Он тоже это увидел.

Медленно повернул голову, проследил за моим взглядом, затем снова посмотрел на меня.

— Интересно, — произнёс он.

В этом слове было слишком мало удивления.

— Это вы сделали?

— Нет.

— Тогда кто?

— Вы действительно хотите, чтобы я ответил?

— Я хочу, чтобы вы наконец сказали хоть что-то прямо.

Он подошёл ближе. Не угрожающе — нет. Но так, что пространство между нами стало не расстоянием, а испытанием.

— Зеркала темнеют, когда рядом с Лианной звучит ложь.

Я похолодела.

— Но её здесь нет.

— Весь восточный корпус связан с детским крылом. Чем ближе человек к её кругу доверия, тем дальше откликается хрусталь.

Круг доверия.

Слова ударили неожиданно мягко. Почти больно.

— Значит, ночью она меня слышала, — сказала я.

— И вы слышали её.

Мы оба молчали.

Зеркало постепенно светлело. Чернота отступала, возвращая комнате утреннюю бледность. Я понимала, что он ждёт. Дракон, который слышит ложь почти всегда, теперь получил ещё один способ поймать меня. И всё же он не приказывал стражникам войти. Не угрожал крепостью. Не хватал за плечи и не требовал признания.

Это было хуже. Он давал мне выбор.

А выбор всегда опаснее приказа.

— Лорд Ренварт, — сказала я наконец. — Почему девочка, которая почти год не отвечает новым людям, знает то, чего ей никто не говорил?

В его глазах вспыхнул холодный свет.

— Что именно она знает?

Я сама загнала себя в угол.

— Она знала, что я пришла к двери.

Зеркало не потемнело.

Каэль заметил. Конечно, заметил.

— Это всё?

— Да, — сказала я.

И зеркало снова потемнело.

На этот раз сильнее.

Тишина стала такой плотной, что я услышала собственное дыхание.

— Осторожнее, госпожа Вейр, — произнёс Каэль. — Лианна не единственная, для кого ложь опасна.

— А правда?

— Правда опаснее.

— Удобно.

— Нет. Неудобно. Но иногда необходимо.

Я обошла стол, чтобы между нами снова оказалось хоть какое-то препятствие. Глупость, конечно. Стол не защитил бы от дракона. Но мне нужно было что-то твёрдое рядом.

— До меня было семь наставниц.

Его взгляд стал тяжёлым.

— Нара разговорчива.

— Нара боится. Как все здесь.

— У неё есть причины.

— У всех есть причины. У вас тоже. Только вы почему-то решили, что причины дают право держать ребёнка в одиночестве.

— Вы провели с ней меньше часа.

— Этого хватило, чтобы увидеть: она реагирует не на людей, а на то, что от неё скрывают.

— Вы делаете выводы из детских рисунков и тёмного зеркала.

— А вы из страха построили тюрьму и назвали её защитой.

Он резко вдохнул.

В камине вспыхнуло пламя. Не сильнее — выше. Золотые языки вытянулись почти до края каменной арки, но жара не стало больше.

Я поняла, что попала в него не словом, а правдой.

— Вы ничего не знаете о том, что случилось в этом дворце, — сказал Каэль.

— Тогда расскажите.

— Нет.

— Потому что я чужая?

— Потому что вы мягкая.

Я от неожиданности даже не сразу ответила.

— Это обвинение?

— Это факт.

— Мягкость не делает человека глупым.

— Здесь делает уязвимым.

— Нет. Уязвимым делает молчание. Когда ребёнку нельзя спросить, почему её боятся. Когда взрослые запрещают ей даже протянуть руку. Когда вокруг неё меняют наставниц, как свечи в коридоре, и никто не объясняет, куда они исчезают.

— Вы думаете, я этого не понимаю?

Впервые его голос сорвался. Не на крик. На что-то более личное.

Я замолчала.

Он отвернулся к окну. На мгновение я увидела не Первого хранителя трона, не холодного дракона, не человека, который мог отправить меня в северную крепость. Я увидела мужчину, который давно стоит между ребёнком и чем-то страшным, но уже не уверен, не стал ли частью этого страш-

ного сам.

Это длилось всего несколько секунд.

Потом Каэль снова стал собой.

— С сегодняшнего дня вы будете подавать письменный отчёт дважды в сутки. Утром — о состоянии её высочества после ночи. Вечером — о каждом слове, движении, рисунке, реакции. Отчёты будете отдавать лично мне.

— А Миране?

— Мирана получит расписание занятий.

— Она будет недовольна.

— Это не входит в перечень моих забот.

Вот тут я впервые почти улыбнулась. Почти — потому что ситуация не располагала. Но что-то в этой сухой фразе неожиданно напомнило живого человека.

— И всё же вы мне не доверяете.

— Нет.

— Но отчёты хотите лично.

— Да.

— Почему?

Он посмотрел на зеркало. Оно снова стало обычным.

— Потому что Лианна вам уже верит больше, чем следует.

От этих слов внутри стало тревожно и тепло одновременно.

— А вы?

— Я не ребёнок.

— Это не ответ.

Он подошёл к двери.

— У вас десять минут до первого занятия.

— Лорд Ренварт.

Он остановился, но не обернулся.

Я не знала, зачем спросила. Наверное, потому что вопрос болел с ночи.

— Если Лианна скажет мне что-то и попросит не передавать вам... вы всё равно потребуете отчёт?

Он молчал.

Долго.

— Если это будет угрожать её жизни — да.

— А если не будет?

Только теперь он повернул голову.

— Тогда сначала решите, кому вы пытаетесь помочь: ребёнку или своему представлению о правильности.

Он ушёл, оставив после себя запах холодного воздуха и слабый привкус золы, хотя огонь в камине давно горел ровно.

Первое утреннее занятие началось не в семь, как значилось в расписании, а в половине восьмого. Мирана объяснила это тем, что её высочество «изволила отказаться от завтрака», но сказала так, будто ребёнок совершил политический демарш.

Я вошла в хрустальную комнату под её наблюдением и сразу поняла: Лианна не отказалась из каприза.

Она сидела на ковре у окна, как вчера, но плечи её были напряжены сильнее. Перед ней стояла тарелка с кашей и

годами, кувшин с водой и маленькая серебряная ложка. Всё было нетронутым. У края стола лежала коробка карандашей, которую я вчера поставила ближе. Крышка была приоткрыта.

Внутри не хватало синего.

Я заметила это и почему-то почувствовала такую благодарность, что едва не выдала себя улыбкой.

— Доброе утро, Лианна, — сказала я, останавливаясь на положенном расстоянии.

Девочка не ответила.

Мирана встала у хрустальной стены с журналом в руках.

— Её высочество должна завершить утренний приём пищи до восьми.

Я не стала смотреть на неё.

— Лианна, сегодня за окном сад стал светлее. Вчера я видела фонтан с маленьким драконом. У него вода течёт вверх. Я, честно говоря, до сих пор пытаюсь привыкнуть.

Девочка чуть повернула голову к окну.

Маленькое движение. Но оно было.

— В моём прежнем доме вода так не умела, — продолжила я.

Мирана подняла взгляд от журнала.

— Вашем прежнем доме?

Ошибка.

Я ощутила, как внутри всё сжалось. Слишком легко забыть. Слишком легко сказать «прежний дом» не от имени

Элины, а от себя.

— В провинции, — добавила я. — Там фонтаны были обычные.

Зеркало над маленьким роялем потемнело по краю.

Не полностью. Только тонкая тёмная каёмка легла на серебряную поверхность.

Я замолчала.

Лианна повернулась к зеркалу. Смотрела на него без удивления. Скорее с усталостью.

Значит, она знала. Она видела это много раз.

Мирана тоже увидела. Её лицо стало жёстким.

— Госпожа Вейр, вы отвлекаете её высочество от распорядка.

— Распорядок не работает, если ребёнок боится.

— Её высочество не боится.

Зеркало потемнело сильнее.

На этот раз это увидели все.

Мирана осеклась. Лианна сжала пальцы на складке платья. А я, вместо того чтобы торжествовать, почувствовала почти физическую боль. Вот она — правда этой комнаты. Не громкие признания, не заговоры, не драконы в небе. Просто взрослый говорит: «Ты не боишься», а зеркало чернеет, потому что ребёнок боится так давно, что уже не спорит.

Я присела на край разрешённого стула.

— Лианна, — сказала я тихо, — если есть не хочется, можно просто посидеть. Я не стану заставлять.

— Госпожа Вейр, — холодно произнесла Мирана.

— Я слышу вас.

— Её высочество обязана соблюдать режим.

— Режим начинается не с тарелки. А с того, что ребёнок понимает: рядом не будет наказания за каждый вздох.

Мирана закрыла журнал.

— Вы превышаете свои полномочия.

— Тогда запишите это в отчёт.

— Непременно.

Лианна вдруг потянулась к коробке. Очень медленно, будто ждала, что кто-то запретит. Достала синий карандаш и положила его рядом с чёрным.

Не начала рисовать. Просто положила.

Для любого другого это было бы ничто. Для меня — первый глоток воздуха за всё утро.

— Красивый цвет, — сказала я. — Похож на небо перед дождём.

Девочка коснулась синего карандаша кончиком пальца.

— Небо не бывает синим, — прошептала она.

Мирана застыла.

Я тоже.

Голос Лианны был тихим, слегка хриплым от долгого молчания. Она произнесла всего четыре слова, но комната отозвалась на них тонким звоном хрусталя.

— Бывает, — ответила я так спокойно, как смогла. — Просто не из каждого окна его видно.

Лианна подняла на меня глаза.

Я не улыбнулась. Не шагнула. Не протянула руку. Я просто осталась там, где была, чтобы она знала: её слова не заставят меня наброситься на неё с радостью, вопросами и требованиями.

— У нас сегодня можно выбрать сказку, — сказала я. — Из списка.

Мирана заметно расслабилась.

Я взяла лист с дозволенными названиями и медленно прочитала их. Послушная принцесса. Мудрый хранитель. Девочка, которая не открывала дверь. Корона, которая сама нашла достойного.

С каждым названием лицо Лианны становилось всё более пустым.

— Или, — сказала я, опуская список, — я могу рассказать свою. Без книг.

— Самовольные сказки не одобрены, — вмешалась Мирана.

— Тогда пусть это будет не сказка. Просто история про птицу, которая не знала, какого она цвета.

Лианна смотрела на меня.

— Эта птица жила в комнате, где все стены были зеркальными, — начала я. — Каждый день к ней приходили разные звери и говорили, какой она должна быть. Лиса говорила: ты рыжая. Сова говорила: ты серая. Павлин говорил: ты недостаточно красивая. А птица смотрела в зеркало и виде-

ла только тень, потому что никто не спрашивал, какой она видит себя сама.

Мирана стояла каменная. Но не перебивала.

— Однажды птица нашла на полу крошечное перо. Синее. Совсем маленькое. И решила, что, может быть, не все ответы лежат в зеркалах. Иногда надо дожидаться окна.

Лианна медленно взяла синий карандаш.

На листе, рядом с чёрной птицей, появилась тонкая синяя линия.

Не небо ещё. Не свобода. Просто линия.

Но она была не чёрной.

Когда занятие закончилось, Мирана вышла первой, чтобы «доложить о нарушениях распорядка». Я уже собиралась отступить к двери, когда Лианна тихо сказала:

— Они приходят, когда ты врёшь.

Я замерла.

— Кто?

Она смотрела не на меня, а на зеркало над роялем.

— Тёмные.

— В зеркале?

Лианна едва заметно кивнула.

Я помнила правило: не задавать вопросов о снах, прошлом, рисунках, словах в полусне. Но это не было ни сном, ни прошлым. Это было здесь и сейчас.

— Они пугают тебя?

Её пальцы сжали синий карандаш.

— Они показывают.

— Что?

Девочка посмотрела на хрустальную стену, за которой уже виднелась тень Мираны. Потом очень быстро, почти беззвучно сказала:

— Кто не свой.

И отодвинула лист в мою сторону.

Я не подошла. Не могла. Между нами всё ещё было расстояние, отмеренное приказом. Но я увидела рисунок.

Чёрная птица. Синяя линия. И три маленькие фигуры у стены.

Одна была Мираной — я узнала по высокому воротнику. Вторая — стражником. Третья — мужчиной с короной в когтях на груди.

Каэль.

У всех троих вместо лиц были тёмные пятна.

Я подняла глаза на Лианну.

— Ты хочешь, чтобы я это увидела?

Она не ответила. Только положила рядом с рисунком синий карандаш — так, чтобы он не укатился.

И я поняла: это было доверие. Не ласковое, не детское, не счастливое. Но настоящее. Хрупкое, как тонкий лёд в первом морозе.

— Я увидела, — сказала я.

Хрусталь за моей спиной вспыхнул.

— Время вышло, госпожа Вейр, — сказала Мирана.

Её голос был спокоен. Но зеркало за роялем потемнело до самой середины.

К полудню я уже получила первое официальное замечание.

К обеду — второе.

К третьему часу дня Мирана вручила мне отдельный лист с перечислением «недопустимых отклонений от утверждённого поведения наставницы». Там значились: чрезмерная эмоциональная вовлечённость, неподобающая мягкость, склонность к спору с распорядителем, самовольная история о птице, попытка заменить утверждённую сказку собственной выдумкой и «создание ложного ощущения выбора у её высочества».

Последнее я перечитала дважды.

Ложного ощущения выбора.

Значит, настоящее ощущение выбора здесь считалось опаснее вспышки силы.

Вечером меня вызвали к Каэлю Ренварту с отчётом.

Его кабинет встретил тем же холодом, картой на стене и лошадкой без колеса на подоконнике. Только теперь на столе лежали не мои рекомендации, а чистый лист, чернильница и тонкое серебряное перо.

— Пишите, — сказал он.

— При вас?

— Да.

— Вы боитесь, что я украшу отчёт?

— Я хочу видеть, где вы остановитесь.

Я села. Перо оказалось непривычно лёгким. Рука сама завела чужой почерк — ровный, аккуратный, явно не мой. Это снова напомнило, что тело Элины знало больше, чем я.

Я написала: «Её высочество утром не притронулась к еде, но проявила интерес к синему карандашу. На словесное давление распорядительницы отреагировало зеркало. После короткого рассказа нарисовала синюю линию рядом с чёрной птицей. Произнесла несколько слов».

— Какие? — спросил Каэль.

Он стоял у окна, но, кажется, слышал даже движение пера. Я остановилась.

Лианна сказала: «Они приходят, когда ты врёшь». И «кто не свой».

Если я напишу это, он поймёт, что девочка осознанно видит ложь вокруг. Возможно, он и так знает. Возможно, скрывает. Возможно, боится.

— Она сказала, что небо не бывает синим, — написала я. Это было правдой.

— И всё?

Зеркало в кабинете не потемнело. Лианны рядом не было, а хрусталь, видимо, не всегда откликался так далеко. Или я научилась обходить опасные края правды.

— Этого достаточно для первого дня, — сказала я.

Каэль подошёл к столу, взял отчёт и прочёл.

— Вы не упомянули, что Мирана написала на вас три жа-

лобы.

— Это отчёт о Лианне, а не о Миране.

— Вы упрямы.

— А вы удивлены?

Он посмотрел на меня поверх листа.

— Уже нет.

В этом «уже» было что-то почти человеческое. Слабый намёк на признание, что я перестала быть просто неподходящей провинциалкой из папки.

— Лианна дала вам рисунок? — спросил он.

Я застыла.

— Почему вы решили?

— Потому что вы весь день держите левый рукав прижатым к боку. Там внутренний карман. Вчера у вас не было привычки его прикрывать.

Вот за это я его почти возненавидела. Не за холодность. Не за угрозы. А за внимательность, которая могла стать опаснее любой силы.

— Вы наблюдаете за мной так же, как за ней?

— За вами проще.

— Не уверена, что это комплимент.

— Это предупреждение.

Я медленно поднялась.

— Она ребёнок, лорд Ренварт. Не ключ. Не угроза. Не государственная тайна с косичками.

— Вы думаете, я забыл?

— Я думаю, вы заставили себя забыть, потому что так легче выполнять приказы.

Он положил отчёт на стол.

— Я не прячусь за приказами.

— Нет? Тогда почему вы ни разу не сказали мне, чего боитесь на самом деле?

— Того, что вы, движимая добротой, сделаете то же, что сделала пятая наставница. Решите, что понимаете лучше всех, нарушите границу, схватите девочку за руку, потащите её к свободе и тем самым откроете дверь тем, кто ждёт снаружи.

Я не нашлась, что ответить сразу.

В его голосе не было злости. Только тяжесть.

— Снаружи кто-то ждёт? — спросила я.

— Всегда.

— Кто?

— Те, кто считает, что Лианне нельзя взрослеть.

По коже прошёл холод.

Это было первое настоящее признание. Маленькое, неполное, но настоящее.

— Почему?

Каэль посмотрел на дверь. На стены. На зеркало.

Потом тихо сказал:

— Потому что однажды она может вспомнить больше, чем им позволено пережить.

Им.

Не ей.

Я сделала шаг ближе к столу.

— Кому — им?

Он словно пожалел, что сказал даже это. Лицо снова закрылось.

— Сегодня вечером вы будете присутствовать на малом приёме вдовствующей императрицы.

— Я?

— Все новые лица при дворе должны быть представлены.

— Я думала, я здесь для ребёнка.

— Именно поэтому вас должны увидеть.

— Чтобы понять, насколько легко меня сломать?

— Чтобы те, кто попытается, знали: вы под моим надзором.

— Под защитой?

— Не преувеличивайте.

Я усмехнулась, хотя внутри стало тревожно. Малый приём звучал как красивое название для клетки побольше. Там будут придворные, улыбки, вопросы, ловушки. И где-то среди них — люди, которые не хотели, чтобы Лианна выросла.

— Мне надо что-то знать перед этим приёмом?

— Да. Не пейте чужие обещания.

Я посмотрела на него.

— Что?

— При дворе слова пьянят быстрее вина. Вам будут сочувствовать. Предлагать помощь. Рассказывать, что знают

правду о Лианне. Не верьте первому, кто назовёт себя другом.

— А вам?

Каэль встретил мой взгляд.

В памяти шепнул детский голос: «Не верь дракону».

— Мне особенно, — сказал он.

Приём проходил в Белой галерее, которая оказалась совсем не белой. Стены там были молочного камня, но всё остальное сияло золотом, алым шёлком, драгоценными пряжками, перьями, эмалью и ледяными улыбками. Люди двигались плавно, говорили негромко, кланялись с точностью отточенного оружия. Над залом под прозрачным куполом медленно кружили светящиеся драконы силуэты — не живые, скорее магические тени, созданные для красоты и напоминания: здесь власть принадлежала тем, кто умел летать и сжигать.

Меня представили как Элину Вейр, новую наставницу её высочества Лианны.

На имени девочки галерея не замолчала. Нет. Здесь никто не позволял себе таких грубых реакций. Но разговоры на долю мгновения стали тоньше, натянутее, как струна перед разрывом.

Я стояла рядом с Каэлем. Не потому что хотела. Потому что он поставил меня именно туда: чуть позади, но достаточно близко, чтобы все видели связь. Надзор, сказал он. Не защита.

Конечно.

— Госпожа Вейр, — обратилась ко мне женщина в серебряном платье. — Вы такая юная для столь сложного назначения.

Она улыбалась мягко. Слишком мягко.

— Сложные назначения, как я успела понять, здесь выдаются без учёта возраста.

Рядом кто-то тихо кашлянул. Каэль не пошевелился.

— И как вам наша маленькая Лианна? — спросила женщина.

Наша.

Это слово прозвучало чужим.

— Она внимательная.

— Внимательная? Как мило. Обычно её называют иначе.

— Возможно, обычно рядом с ней не те люди.

Улыбка женщины застыла.

Каэль наконец повернул голову.

— Госпожа Вейр ещё привыкает к прямоте двора, леди Селеста.

Так вот она какая.

Селеста Арваль.

Я не знала её, но поняла сразу: эта женщина не привыкла проигрывать даже в мелочах. Очень красивая, с золотистыми волосами, уложенными так безупречно, что ни одна шпилька не смела выдать усталость. Глаза светлые, почти прозрачные. На горле — тонкая цепочка с драконьим ког-

тем.

Она посмотрела на Каэля с такой собственнической мягкостью, что мне вдруг стало неприятно. Не больно, нет. Глупо было бы ревновать человека, который за сутки успел пригрозить крепостью и выстроить вокруг меня стену приказов. Но неприятно.

— Прямота, — сказала Селеста, — опасное украшение для женщины при дворе.

— Тогда мне повезло, — ответила я. — Я пока не украшение.

Её взгляд стал холоднее.

Каэль едва заметно коснулся пальцами края бокала. Не предупреждение даже. Намёк. Я поняла: хватит.

Но именно в этот момент по галерее прошёл новый шёпот.

Вдовствующая императрица появилась без объявления.

Она была старой — но не хрупкой. Высокая, прямая, в тёмно-фиолетовом платье, с белыми волосами, поднятыми под тонкую корону. Лицо её напоминало резьбу по кости: без мягкости, без лишнего движения, с глазами, которые видели слишком много и давно перестали просить разрешения смотреть.

Все склонились.

Я — на мгновение позже остальных, потому что просто не сразу поняла, насколько низко нужно поклониться. Каэль заметил. Конечно, заметил. Но ничего не сказал.

Императрица прошла мимо нас, и воздух после неё остал-

ся холодным.

— Это она? — услышала я чуть позже.

Голос доносился из-за колонны. Я стояла у окна, куда меня отправили «перевести дыхание» после третьего вопроса о провинции, и случайно оказалась слишком близко к разговору, который не предназначался для меня.

— Да, ваше величество, — ответил мужской голос. Я не узнала его. — Новая наставница. Ренварт держит её рядом.

— Ренварт держит рядом всё, что боится потерять или уничтожить.

Пауза.

— Девочка сегодня говорила?

Я перестала дышать.

— Есть слух, что да.

— Слухи при дворе плодятся быстрее крыс. Мне нужны факты.

— Мирана доложит к утру.

Императрица тихо усмехнулась.

— Мирана доложит то, что ей позволят заметить.

Я прижалась спиной к холодной колонне. Выйти было нельзя. Остаться — опасно. Но ноги будто приросли к полу.

— Если девочка вспомнит своё имя, — сказала вдовствующая императрица, и каждое слово легло в меня камнем, — род Ренвартов падёт.

Мужчина что-то ответил, но я уже не услышала.

Потому что в полированном оконном стекле напротив ме-

ня медленно темнело отражение.

Не всё.

Только знак драконьей короны на груди Каэля, который стоял в другом конце галереи и смотрел прямо на меня.

Двор, где улыбаются враги

Полированное стекло напротив меня темнело не целиком.

Сначала почернел только знак драконьей короны на груди Каэля — тот самый знак, который блестел серебром на его мундире и заставлял придворных склонять головы чуть ниже, чем перед остальными. Потом тьма тонкой дымкой поползла выше, к его плечу, к лицу, но остановилась, словно хрусталь сам не решался закончить обвинение.

Каэль стоял в другом конце Белой галереи и смотрел прямо на меня.

Нет. Не просто на меня.

Он видел, что я слышала.

Вдовствующая императрица за колонной произнесла слова, которые теперь гудели у меня в висках сильнее музыки, сильнее тихого придворного смеха, сильнее собственного дыхания.

Если девочка вспомнит своё имя — род Ренвартов падёт.

Я не знала, что именно должно было значить это «падёт». Разорится? Потеряет власть? Будет изгнан? Сгинет под древней клятвой? Но достаточно было взглянуть на Каэля, чтобы понять: он

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.